

Его путь в искусстве

вить ни одну премьеру.

Работу над серией портретов Семен Иванович задумал в 1961 году, но она началась еще в далекое и бурное время двадцатых годов, когда 41 год назад, по рекомендации Мартироса Сарьяна юноша поступает художником в первый Государственный театр Армении (впоследствии театр имени Г. Сундукяна).

Старое неудобное здание в очень маленьком, очень пыльном Ереване. Отсутствие театральный техники, примитивные удобства, скромный бюджет. Но зато в этом театре сосредоточилось главное — огромный энтузиазм создания нового советского театра, талант двух крупнейших режиссеров — Бурджальяна и Калантара, созвездие актерских сил и... великолепный театральный занавес, расписанный Сарьяном.

В течение трех лет середины двадцатых годов в театре состоялось около 25 премьер — 7—9 постановок в год. И оформлял все спектакли Семен Аладжалов. В то время он еще только два года проучился в художественном техникуме имени Врубеля в Нахичеване-Дону, где преподавали М. Сарьян и С. Агаджанян, и имел за плечами всего лишь один год работы в театре миниатюр «Арлекин».

Работа в Гостеатре, в кругу выдающихся деятелей армянской сцены, очень многому научила Аладжалова. Достаточно перечислить некоторые названия постановок тех лет, чтобы понять, какой разнообразный круг вопросов волновал мо-

лодого художника. «Ревизор» Гоголя и «Отелло» Шекспира, «Тартюф» Мольера и «Заговор Фиеско в Генуе» Шиллера, «Кум Морган» Ширванзаде и «Яд» Луначарского, «Павел I» Мерсжовского и «Торговцы славой» Паньоля и Нивуа и многие другие. Среди этих спектаклей-поисков некоторые явились этапными. В первую очередь — «Учитель Бубус» А. Файко, в котором так ярко выразилась современность. В спектакле все компоненты слились воедино.

Молодой художник сделал все декорации из разноцветных веревок, парики актеров — из окрашенного папье-маше, костюмы — с рисунками кубистического характера — геометризированных форм и контрастных цветовых сочетаний.

Другой блестящей постановкой явился «Ревизор» Гоголя. Его художественное оформление, в своем стремлении как можно точнее раскрыть содержание пьесы, было аналогичным «Учителю Бубусу». Но по своим средствам резко отличалось от него. Здесь все было реально, как в жизни, лишь местами доходя до гротескового звучания, которое соответствовало режиссерскому замыслу.

Очень интересными спектаклями были и «Собака садовника» и «Отелло», декорации и костюмы последнего были заново сделаны для постановки, в которой участвовал вернувшийся из-за границы Ов. Абелян.

В 1926 году в Ереван приехал виднейший художник театра Георгий Якулов. Новизна его воззрений, безупречный художественный вкус, неисчерпаемая изобретательность, его яркая, светлая индивидуальность оказали немалое влияние на развитие армянской театральной живописи и, конечно, на

творчество Аладжалова. Кроме того, он познакомился со многими, неизвестными ему ранее техническими приемами, которые с тех пор прочно вошли в практику художественного оформления армянского театра.

Почувствовав необходимость дальнейшей еще более серьезной учебы, Аладжалов в конце тридцатых годов едет в Москву и поступает во Вхутемас. В годы ученья он работает в театральной студии, руководимой Рубеном Симоновым, а практические занятия проводит в театре им. Вахтангова, у Всеволода Мейерхольда и Александра Таирова. Эти имена уже сами по себе говорят о той первоклассной школе, которую прошел художник.

В дальнейшем Аладжалов много работает в различных театрах страны. В Ереване в тридцатых годах создает декорации к «Доходному месту» А. Островского и к «Егору Булычову и другим» М. Горького в театре им. Сундукяна, готовит оформление балета «Счастье» А. Хачатуряна, который был показан на первой Декаде армянского искусства и литературы в Москве.

Когда в прошлом году Семен Аладжалов, после многолетнего перерыва, вошел в здание нашего театра музыкальной комедии (бывшего Гостеатра), поток воспоминаний нахлынул на него. Здесь он начинал. Сколько чудесных, полных дерзания дней, он провел в этих тесных стенах. И видно всю свою любовь к театру он вложил в работу над декорациями и костюмами к «Трехгрошевой опере» Б. Брехта, которая с успехом идет сейчас на сцене этого театра...

Э. ГАЙФЕДЖЯН.

На снимке: Семен Аладжалов

НА СТЕНАХ — множество портретов. Совершенно законченных, наброски акварелью, сангиной, углем, кое-где тронутые бархатистой пастелью. Всего их будет около семидесяти. Огромная галерея лиц, образов, деятелей советского армянского театра, культуры, которые творили и творят се. Понятно, что создателем этих портретов может быть только человек, тесно связанный со становлением и развитием этой культуры, прошедший свой творческий путь бок о бок с Аршаком Бурджальяном и Левоним Калантаром, Георгием Якуловым и Асмик, Арус Восканян и Вагаршем Вагаршяном, Рубеном Симоновым и Борисом Захава и многими, многими другими.

Семен Иванович Аладжалов отдал ему всю свою жизнь, любовь и мечты. С юношеских лет и навсегда плененный образами мировой драматургии, той огромной силой, которую таит в себе театр, он весь, до мозга костей, словно пропитан ни с чем не сравнимым запахом театральных подмостков. Это художник, неотделимый от театра. И, вероятно, именно поэтому есть неуловимый трепет вдохновения в лицах всей портретной серии художника, независимо от того, пишет ли он Ширванзаде, Джанана, Рубена Заряна или Гайка Казаряна, швейцара гостиницы «Армения», который отлично знал всех, кто далеко за полночь, после спектакля собирался за столиком ресторана поспорить об искусстве, поделиться сокровенным, или рабочего сцены Косгана Маркаряна, который вот уже 45 лет работает в театре имени Сундукяна, или профессора Г. А. Медникяна, необыкновенного театрала, без присутствия которого нельзя предста-